

В. П. МАКАРЕНКО

МАРКСИЗМ:

ИДЕЯ

И ВЛАСТЬ

93-3
835 2

93-3
835a

В. П. МАКАРЕНКО

МАРКСИЗМ. ИДЕЯ И ВЛАСТЬ

МАКСПИМОВСКИЙ ЭИЗ.

Ростов-на-Дону
Издательство Ростовского университета
1992

Народовольцы считали, что главная задача русских революционеров — борьба с государством как самостоятельной силой. Если ее уничтожить — падут все барьеры на пути к социальному освобождению. Деятели аполитического «Черного передела» сопротивлялись бланкистской идее взятия власти без участия масс. После убийства царя репрессии фактически уничтожили обе организации. От героев-народовольцев осталась революционная легенда. А из лона «Черного передела» появился на свет первый выдающийся идеолог русского марксизма — Георгий Плеханов.

Глава 15. Творец железного канона

С точки зрения роли в истории и пропаганде марксизма Плеханова можно поставить в один ряд с Каутским. Плеханова называют отцом и пионером марксизма в России, и это прозвище он заслужил. Действительно, он был первым русским, который не только читал и находился под влиянием Маркса, как народники. Плеханов принял и усвоил марксизм как целостное и самодостаточное мировоззрение, охватывающее все вопросы философии, социальной теории и указания для политической деятельности. Все русские марксисты поколения Ленина учились у Плеханова. Его влияние выходило за пределы России. Он не был оригинальным мыслителем и теоретиком. А стремился сохранять верность существующей доктрине (как он ее понимал) и защищать ее от нападок.

Плеханов был образованным человеком, ориентирующимся в истории общественной мысли, мировой литературе и истории, хорошим публицистом и популяризатором. Однако его мышление было крайне догматично и отличалось склонностью к конструированию и пропаганде всеохватывающих и все объясняющих схем. Больше других последователей Маркса он способствовал приданию марксизму формы катехизиса. Плеханов первый начал писать тексты, которые выполняли роль учебников марксизма. Его роль в истории России достойна внимания и потому, что почти всю свою сознательную «марксистскую» жизнь он провел в эмиграции. Знал русскую жизнь по газетам, книгам и разговорам со знакомыми людьми. Писал о посланничестве и миссии русского пролетариата, не имея никаких связей с действительными рабочими. Несмотря на это, русское социал-демократическое и марксистское движение поднялось на дрожжах, изготовленных Плехановым.

§ 1. Рождение ортодоксии

Он родился в 1856 г. в селе Гудаловка Тамбовской губернии в семье помещика. Закончив военную гимназию в Воронеже, поступил в кадетский корпус в Петербурге. Но спустя несколько месяцев бросил его и записался в Горный институт, откуда был исключен спустя два года, так как инженерное дело его тоже не увлекло. Зачитывался книгами Белинского и Чернышевского, а во время учебы встретился с революционерами. Двое из них — П. Аксельрод и Л. Дейч — стали его соратниками и друзьями на всю жизнь. Оба поначалу были народниками-бакунистами. С самого начала существования «Земли и воли» Плева-

нов был ее членом. Принимал участие и был главным оратором в демонстрации против политических преследований в России, организованной в декабре 1876 г. Спасаясь от преследований, бежал в Берлин, откуда возвратился спустя полгода, чтобы вести жизнь профессионального революционера.

Некоторое время находился в Саратове на нелегальном положении. Организовывал революционные группы, вел антицарскую пропаганду, писал манифесты и воззвания в духе Бакунина. В политических спорах занимал промежуточную позицию: выступал против политической борьбы за конституцию и либеральные реформы и в то же время не соглашался с тактикой индивидуального террора, считая ее бесполезной и противоречащей культу «народа». В этот период Плеханов был народником в «классическом» смысле и при расколе «Земли и воли» высказался против террористов. Группа «Черный передел», которой он руководил, ориентировалась на пропагандистскую и организаторскую деятельность в народе, предполагая, что лишь массовое движение крестьян и рабочих может освободить Россию.

Правда, деятельность «Черного передела» не вышла за рамки планов и программ, составленных кучкой заговорщиков. В 1880 г. группа наиболее активных деятелей (Плеханов, Дейч и Засулич) эмигрировала и поселилась в Женеве. На протяжении следующих 37 лет Плеханов России не видел. Первые два года эмиграции прошли под знаком усвоения и обращения в марксистскую веру. Это не означает, что марксизм был совершенно чужд Плеханову, когда он был народником. Подобно большинству народников, он знал теорию Маркса и принимал ее главные принципы. Не соглашаясь с «субъективной социологией», он все же полагал, что принцип зависимости политики и идеологии от экономического базиса не противоречит идее, по которой Россия — вследствие особых исторических обстоятельств — может избежать западного пути развития. В соответствии с социальной философией Бакунина Плеханов выводил из марксизма отрицательное отношение к политической борьбе за либеральные порядки в России. Если экономика — решающая причина общественного развития, то надо ориентироваться на социальную, а не на политическую революцию. И следовательно, стремиться к преобразованию экономической структуры России, поскольку изменения в надстройке значат немного.

Другими словами, марксистская конверсия Плеханова заключалась не в переходе от веры в «примат идей» в общественном развитии к вере в «примат экономических отношений» или от религии (он стал атеистом еще в ранней молодости) к материализму. Обращение его в марксизм означало принятие на веру трех принципов относительно России, которые противоречили народнической идеологии: 1. Установлению социализма должна предшествовать политическая революция либерально-демократического типа. 2. Россия должна пройти капиталистический этап развития прежде, чем будет в состоянии осуществить социалистический переворот. 3. Движущей силой социалистических преобразований может быть только промышленный пролетариат, а не «народ» или, тем более, крестьянство. В сумме переход Плеханова к марксизму означал изменение взглядов на политическую стратегию, а не радикальную перемену мировоззрения.

Усвоив марксизм таким образом, Плеханов остался верен ему до конца жизни. Несомненно, его политические взгляды по конкретным вопросам тактики русской социал-демократии менялись, хотя и в незначительной степени. В марксизме он нашел абсолютное интеллектуальное удовлетворение, которое может дать система, способная «в принципе» предвидеть все и не оставляющая практически ничего на долю случайностей, позволяющая верить в неизбежные исторические закономерности. Однажды поверив во всеобъемлющую систему, в теоретических вопросах он уже не менял свою точку зрения. А только без конца повторял одни и те же положения и истины, в лучшем случае дополняя их новыми примерами или используя для анализа новых проблем.

Поселившись в Женеве, Плеханов не избежал материальных затруднений. Вначале ему помогал Лавров, а затем он жил литературным трудом и случайными лекциями. Некоторое время пытался продолжать деятельность своей народнической организации, издал два номера газеты и установил контакт с остатками организации в России. Вскоре стало ясно, что организация бессильна, а ее руководители существенно изменили свои политические взгляды. Убедившись, что политическая борьба за демократические свободы есть главная задача текущего момента в России, что далеко не безразлично, в какой политической системе живут угнетенные классы, а переход от абсолютизма к буржуазной демократии означает нечто большее, чем простая замена одних эксплуататоров другими (типичный народнический аргумент), Плеханов занялся вопросом отношения рабочего движения к буржуазии. В период, когда он разделял народническую идеологию, ему было ясно, что борьба за политические свободы — дело буржуазии. А если революционеры участвуют в этой борьбе, они таскают из огня каштаны для своих эксплуататоров. Теперь же отец русского марксизма рассуждал по-иному. Поскольку борьба за демократию необходима для будущей победы социализма, то как в ней согласовать интересы двух классов — пролетариата и буржуазии, «принципиально» враждебных друг другу?

В 1883 г. горстка беглецов из России, принявшая марксистскую веру, назвала себя группой «Освобождение труда». Это была первая русская организация социал-демократического типа в европейском смысле слова. Она так и не стала политической партией и не вышла за рамки своих основателей — Плеханова, Дейча и Аксельрода. Зато заложила идеологический фундамент русской социал-демократии. Плеханов написал две книжки — «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия», которые означали окончательный разрыв революционного движения с народнической идеологией. Напрасно, доказывалось в них, народники обвиняют марксистов в том, что рассматривая социализм как продукт эволюции капитализма, они вынуждают себя быть союзниками буржуазии. Исторические законы нельзя отменить ни проклятиями, ни самой совершенной революционной волей. Первейшая задача революционеров — установить, в каком направлении движут Россию неумолимые экономические закономерности. А ситуация все более проясняется. И дурак поймет, что община осуждена на уничтожение и не может быть зародышем социалистической организации общества. Подобно Европе, социализм в России может быть только результатом про-

творечий капиталистического хозяйства, которое вот-вот охватит всю страну. После отмены крепостного права Россия вступила на путь капитализма и товарно-денежного хозяйства. И никакие мечтания о «скачке» из примитивного натурального хозяйства в коммунизм не могут помешать этому процессу. Все более развивается капиталистическая дифференциация крестьянства, значительные массы которого осуждены на экспроприацию и пролетаризацию. Земля все более сосредоточивается в руках небольшого числа богатых собственников, которые будут улучшать производство путем использования современной техники. Промышленность и транспорт неизбежно преобразуют Россию в капиталистическую страну, подчиненную обычным законам накопления. Общество неизбежно расслонится на армию пролетариата и буржуазию, а борьба между данными классами определит будущую историю России.

Однако развитие капитализма в России тормозится бесчисленными пережитками феодализма и самодержавным политическим режимом. Буржуазия заинтересована в ликвидации абсолютизма, европеизации России и установлении либеральных политических учреждений. Россия стоит на пороге буржуазной, а не социалистической революции. Эта революция будет политической и сметет политические преграды свободного развития капитализма. Вопреки народническим иллюзиям, она не совпадет с социалистическим переворотом, ибо последний предполагает высокоразвитую промышленность и хорошо организованный и сознательный пролетариат, обладающий четким представлением о своей классовой противоположности буржуазии. Следовательно, Россия вступает в капиталистическую фазу развития, избежать которую невозможно. Наоборот, ей нужно благоприятствовать. Буржуазная революция тоже соответствует главным интересам русского пролетариата. Только в условиях политической свободы он сможет подготовиться к будущей борьбе и расширить свою силу до таких пределов, которые потребует социалистическая революция будущего.

Стремление к демократическим преобразованиям связывает воедино политические интересы буржуазии и пролетариата, вопреки фундаментальной противоположности их классовых интересов. Однако из буржуазного характера наступающей революции не следует, что она осуществится силами или под руководством буржуазии. Этот момент, по мнению Плеханова, особенно важен для выработки марксистской стратегии. Русская буржуазия слаба и труслива и не сможет взять на себя историческую ответственность. Поэтому буржуазная революция может совершиться только под руководством пролетариата. Данный момент революционной стратегии был особенно уязвим для критики со стороны народников. Ведь исходя из него пролетариат должен бороться за свободу своих собственных эксплуататоров. Но Плеханов отметал подобные возражения. Пролетариат заинтересован в политических свободах и уничтожении самодержавия, утверждал он, поскольку речь идет о предварительных условиях его будущей победы. Кроме того, пролетариат в борьбе с абсолютизмом должен быть не орудием в руках буржуазии, а самостоятельной силой, осознающей отличие своих интересов от интересов буржуазии, а также рамки и формы совпадения своих интересов с интересами капиталистов. Это не менее важный пункт марксистской революционной стратегии. Пролетариат должен

осознать, что фундаментальное противоречие его интересов и интересов буржуазии будет выражаться во все более острых формах по мере развития капитализма.

Однако на основании своего повседневного опыта рабочие не в состоянии обрести развитое социалистическое сознание и осознать полностью свое классовое положение. Отсюда вытекает главная задача просвещенной интеллигенции — она должна духовно и политически руководить рабочим классом и открывать ему перспективу его будущей борьбы. Русский пролетариат должен извлечь уроки из опыта буржуазных революций в Европе, когда из-за отсутствия классового сознания и организации рабочие проливали свою кровь, а буржуазия пользовалась результатами революции. Русский пролетариат может избежать подобной судьбы, если организованное социал-демократическое движение будет вносить в рабочий класс социалистическое сознание.

Но, как бы это ни было грустно, в результате буржуазной революции рабочий класс не станет хозяином положения, а только окажется в оппозиции к политической системе, за установление которой он вынужден проливать свою кровь. В основных чертах Россия вынуждена пройти западный путь развития. Однако именно фактор запаздывания позволяет предположить: развитие и падение капитализма в России произойдет значительно быстрее, чем в Западной Европе. Усваивая развитую технику и технологию, пользуясь марксизмом как готовой революционной теорией и критически перерабатывая опыт других стран, Россия может сократить цикл своего капиталистического развития, хотя и не может его обойти. Между буржуазной и социалистической революцией располагается более или менее длительная эпоха капиталистической эксплуатации. Русское социал-демократическое движение должно учиться на уроках поражений и ошибок европейского пролетариата, чтобы их избежать и ускорить свое развитие.

В свете подобных предсказаний и программ вся народническая идеология — одна сплошная реакционная утопия. Народники хотят, чтобы Россия пользовалась благами промышленного развития, но не хотят согласиться с его неизбежными следствиями: пролетаризацией крестьянства, концентрацией землевладения и упадком общины. Они хотят такого социализма, который бы не содержал необходимых социальных предпосылок: классовой борьбы пролетариата и буржуазии, высокоразвитых технических, политических и социальных форм, присутствующих капиталистическому обществу. Эти желания внутренне противоречивы. Они противоречат научному, детерминистическому пониманию социальных явлений, в которых связи между различными сторонами общественной жизни и наступление новых фаз развития раскрываются как объективная необходимость, независимая от человеческой воли.

И если даже допустить, что горстке революционеров удастся, благодаря особому стечению обстоятельств, захватить власть в результате государственного переворота, ей не удастся ввести социалистические порядки именно вследствие недостаточного развития русского капитализма. Такой переворот — и здесь нельзя отказать Плеханову в пророческом даре — приведет только к политическому выкидышу по образцу древних империй Китая или Персии, и новый деспотизм вполне может возникнуть на коммунистической основе.

В названных выше книгах Плеханов заявил о себе как о крайнем западнике и оставался им до конца жизни. Он создавал идеологию русской социал-демократии как идеологию европейского типа, основанную на убеждении: описанные Марксом схемы развития Запада в равной степени относятся к России. В то же время работы Плеханова сконцентрировали внимание русских марксистов на политической революции в духе либерализма. В его программе содержались два парадоксальных положения: 1) пролетариат должен быть движущей силой буржуазной революции; 2) непролетарская интеллигенция призвана вносить социалистическое сознание в рабочий класс. Первое положение не противоречило теории Маркса, но и не решало вопроса, который вскоре возник перед русскими социал-демократами: если союз с другими классами в буржуазной революции так или иначе неизбежен, то кто должен быть союзником пролетариата — буржуазия или крестьянство? Двадцать лет спустя этот вопрос расколол русскую социал-демократию на два лагеря. Что касается второго вопроса, то его соответствие марксистской теории было и остается предметом дискуссий. Однако они тоже начались позже.

§ 2. Диалектический катехизис

Вера в несокрушимые законы общественного развития позволила Плеханову и его группе не сломаться и не потерять надежду на будущую революцию даже в период упадка революционного движения и торжества реакции. В 1880-е гг. Плеханов обрел репутацию главного представителя русского марксизма, хотя его работы попадали в Россию в незначительном количестве и преимущественно их читали люди, которые на рубеже XIX—XX вв. создали социал-демократию в самой России. В 1894 г. им была опубликована книга со скучным академическим названием «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Данный труд укрепил положение Плеханова как главного марксистского авторитета в России, книга стала основным источником, из которого адепты марксизма на протяжении многих лет черпали сведения о его философских взглядах.

В книге содержится почти все, что потом Плеханов бесконечно повторял в своих сочинениях на философские, социологические и исторические темы. Кроме полемики, направленной против русской «субъективной социологии» (в первую очередь Михайловского и Кареева) и народнической утопии «особого пути» России, в работе реализована попытка систематически изложить марксизм и его теоретические источники. Они рассматриваются по очереди и ранжируются, как с точки зрения их «заслуг» в подготовке материалистического понимания истории, так и идеалистических «ошибок» и «непоследовательности». Вслед за Энгельсом Плеханов распространял, а частично и создавал сам целый ряд стереотипов и обыденных представлений о марксизме.

Итак, по Плеханову, основные категории и понятия марксизма заимствовал, одновременно очистив от ошибок и противоречий, из следующих источников.

Во-первых, материализм XVIII в., особенно французский материализм Гольбаха и Гельвеция. Заслуга материализма в том, что он объяснил духовные явления через материальные, рассматривал чувствен-

ное созерцание как источник всякого знания и понял, что человеческие идеи и чувства вырабатываются социальной средой. В то же время материалисты совершили ошибку, когда объясняли изменения социальной среды влиянием идей. Однако этот материализм не смог подняться до эволюционного взгляда на историю, грешил «фатализмом» и не знал диалектического метода.

Во-вторых, классическая немецкая философия во главе с Гегелем. Представление о Гегеле и его диалектике (как в данной, так и в других книгах) Плеханов почерпнул главным образом у Энгельса. Представление было упрощенным и вытекало из недостаточного изучения первоисточников. Диалектика, например, есть метод исследования, который все явления и процессы рассматривает в развитии и взаимозависимости, а также ищет в каждой форме жизни зародыш ее будущего уничтожения и преобразования в собственную противоположность. Диалектика стремится обнаружить в вещах и явлениях силы и качества, противоположные тем, которые заметны при непосредственном восприятии. Тогда как у Гегеля развитие по схеме «триады» не является существенным. Диалектика, далее, предписывает искать в обществе и в природе качественные скачки, которые возникают в результате количественных накоплений. Как и Энгельс, Плеханов характеризует диалектику как метод, который можно абстрагировать из гегелевской философии, сделать его независимым от идеалистической метафизики и применить в материалистическом мировоззрении.

Следующая великая заслуга Гегеля — толкование истории как подчиненной законам, независимым от воли индивидов. Однако необходимость процесса исторического развития Гегель рассматривал как духовную, в конечном счете совпадающую со свободой. Марксизм перечеркивает эту идеалистическую чепуху и доказывает, что историческая необходимость укоренена в материальных условиях жизни, а свобода состоит в том, что люди понимают законы истории и могут их использовать в своих действиях.

В-третьих, утопический социализм. Утописты пытались найти средства улучшения общества. Но вместо изучения неизбежных исторических закономерностей задавались вопросом нормативного типа: что хорошо или желательно с точки зрения требований человеческой природы? Тем самым они осуждали свои собственные программы на интеллектуальное и политическое бесплодие, поскольку добрая воля сама по себе бессильна в социальных преобразованиях.

В-четвертых, историки реставрации (Гизо, Тьери, Минье). Они разработали понимание исторических процессов как процессов борьбы, определяемой материальными интересами общественных классов. С указанной точки зрения они проложили путь марксизму. В то же время они до конца не преодолели идеалистической философии истории, ибо социальную борьбу и формы собственности ставили в зависимость от неизменной человеческой природы. Тогда как марксизм показал, что неизменная человеческая природа не может объяснить изменчивость исторических форм.

Однако все названные недостатки были преодолены теорией Маркса, значение которой Плеханов сравнивает то с коперниканским переворотом, то с теорией Дарвина. Подобно Копернику, Маркс создал

базу науки об обществе, так как ввел ранее неизвестную идею необходимости в понимании социальных явлений. А эта идея — условие всякого научного мышления, а не только логическая категория, как думал Гегель. Правда, в каком смысле Коперник создал теорию естественной необходимости, Плеханов не объясняет.

Сравнение с Дарвиным более существенно. Дарвин объяснил эволюцию форм жизни приспособлением видов к изменениям внешней среды. В этом, по Плеханову, и состоит дарвинизм. Маркс доказал, что история человечества объясняется отношениями людей с окружающей природой, а отношения эти есть следствие развития орудий производства, которые обеспечивают рост господства человека над естественной средой. Оказывается, что исторический монизм Маркса состоит в утверждении: все исторические изменения зависят «в конечном счете» от развития средств производства, причем умение создавать данные средства предопределяет специфику человеческого рода и социальных связей (типа кооперации). Утверждение, по которому сами технические изменения зависят от интеллектуальных усилий человека, не имеет смысла, потому что прогресс сознания зависит от прогресса техники. В результате причина и следствие постоянно меняются местами. В любой исторический момент уровень производительных сил обуславливает духовный уровень общества, включая технические изобретения, которые все более совершенствуют производство. А поскольку человек постоянно изменяется под влиянием внешних обстоятельств, постольку никакой неизменной человеческой природы не существует.

На основе определенного уровня развития производительных сил возникают и закрепляются конкретные производственные отношения, а под их влиянием, в свою очередь, формируются политические институты, общественная психология и формы идеологии. Однако в любой сфере мы имеем дело с взаимовлиянием. Политические институты влияют на экономическую жизнь. Экономика и общественная психология — «две стороны» одного и того же процесса: «производства жизни» или борьбы людей за существование. Обе «стороны» зависят от уровня техники. Психика людей приспособляется к уровню экономического развития. Но, с другой стороны, конфликт между техникой и производственными отношениями вызывает в человеческой психике такие изменения, которые опережают изменения производственных отношений. Поэтому нельзя обвинять марксизм в какой бы то ни было односторонности — ведь он охватывает своей теорией всю совокупность взаимодействий в обществе.

От экономических отношений зависят также идеологические продукты, к которым Плеханов причисляет науку, философию, искусство. Можно наблюдать влияние одних художественных форм на другие, однако само понятие «влияние» еще ничего не объясняет. Наоборот, только подобие общественных отношений различных народов делает возможным взаимовлияние в сфере художественного производства.

Историю также нельзя объяснить особой ролью гениальных личностей. Напротив, роль гения можно объяснить исторически. Гений — это человек, который раньше других понял смысл лишь возникающих общественных отношений и в наиболее совершенном виде выразил тенденции какого-либо общественного класса.

Миром правит необходимость. И потому свобода с марксистской точки зрения (впрочем, то же самое писали Спиноза и Гегель) состоит не в том, что люди обладают неким минимальным пространством выбора, независимым от всеобщей причинности. А только в том, что благодаря знанию законов природы люди могут над ней господствовать. Сфера данного господства постоянно возрастает в истории. И наконец люди пришли к такому пункту, в котором стала возможной окончательная победа сознания над необходимостью, разума над слепым законом. Высший предел свободы в том, что люди научатся управлять социальными процессами, которые до сих пор не подчинялись их власти. Однако Плеханов не объясняет, как возможна окончательная победа, если учесть, что по определению вся человеческая деятельность подчиняется железной необходимости. Следовательно, и степень власти человека над природой обусловлена данной природой независимо от воли людей.

Подобные рассуждения Плеханов повторял бесконечно во всех своих статьях, книгах и лекциях. Некоторые из них — «Основные вопросы марксизма», «Роль личности в истории», «Очерки по истории материализма» — наряду с ранее названными приобрели устойчивое положение в рамках марксистской пропаганды, и до сих пор человек, сдающий кандидатский экзамен по философии, обязан их знать. Кроме того, все теоретические работы Плеханова полемичны в том смысле, что направлены против людей и идей, которых автор считал наиболее грозными противниками с точки зрения целостности и «идейной чистоты» марксизма. Обычно сюда попадали люди, которые стояли ближе всех к марксизму и стремились привести в соответствие его принципы с самыми острыми теоретическими и практическими проблемами. После народников Плеханов направил свой критический пыл на ревизионистов, неокантианцев, русских эмпириокритиков и др. Попало от «отца русского марксизма» и Ленину. Но прежде чем переходить к данной теме, рассмотрим еще один немаловажный аспект плехановского наследия.

§ 3. Новая эстетика

Рассуждения об искусстве с позиции исторического материализма занимают в творчестве Плеханова довольно много места. Наряду с Мерингом и Лафаргом он и в этой сфере принадлежал к пионерам марксистского анализа искусства. Историю искусства он знал, безусловно, лучше истории философии. Труды его на указанную тему переполнены примерами из самых различных эпох, которыми автор стремился подтвердить свои общие эстетические принципы. Но и здесь нетрудно заметить разрыв между многими удачными наблюдениями о зависимости художественного творчества от техники и общественной борьбы — и общим тезисом: «На самом деле художественное творчество цивилизованных народов не менее первобытного подчинено необходимости. Разница состоит лишь в том, что у цивилизованных народов исчезает непосредственная зависимость искусства от техники и способов производства»¹.

На основе разнообразных этнографических описаний Плеханов доказывает, что в первобытных обществах художественная деятельность «связана» с трудом таким способом, что просто его наследует (напри-

мер, коллективные танцы и хороводы). И это, по его мнению, отражает то «наслаждение», которое чувствует человек во время труда. Может быть и так, что художественные действия непосредственно помогают труду (особенно через ритм) и вызывают различные ассоциации с ценностями, которые в данном обществе ставятся высоко (типа физического здоровья, богатства и пр.) А символы, пробуждающие такие ассоциации, толкуются как красота.

В классовом обществе зависимость искусства от производительных сил опосредована идеалами, чувствами и мыслями общественных классов, которые и «выражают» искусство. Например, французский фарс XVIII в. выражает неудовольствие существующими порядками, классическая трагедия — идеалы аристократии и двора и т. д. Плеханов не замечает, что такого типа «глубокомысленные» наблюдения не имеют ничего общего с марксизмом. Зависимость литературно-художественных жанров и стилей от классовых интересов и социальных преобразований была хорошо известна историкам, критикам и философам задолго до марксизма. В том числе и тем, на которых Плеханов ссылается. И значит, марксистским является не само признание такой зависимости, а вывод, к которому автор стремится подвести читателя: эта зависимость объясняет все свойства художественного творчества, а между классовыми отношениями данного общества и его художественным творчеством существует «необходимая» связь.

Если всерьез относиться к приведенному положению, можно вывести еще более «глубокое» соображение: проницательный человек, обладающий знанием экономических отношений того или иного общества, может дедуцировать из них всю его литературу и искусство. То есть написать все драмы Корнеля на основе знания об экономике Франции XVII в. или романы Достоевского на основе аналогичного знания об экономике России XIX в. Конечно, Плеханов не доходит до подобного абсурда, однако не замечает, что такая бессмыслица — естественное следствие его теории. Он постоянно убеждает читателя, что художественное творчество исчерпывается без остатка его классовой ценностью. Нужно оценивать произведения искусства с точки зрения содержания, которое можно высказать и иным, нехудожественным языком. Поэтому нет существенных различий между «идеологическим» содержанием и способом его художественного выражения. Чтобы доказать это, Плеханов пользуется выражением, пущенным в оборот Энгельсом: «...достоинство художественного произведения определяется в последнем счете удельным весом его содержания»².

Тем самым знание генезиса искусства совпадает со знанием критериев художественной оценки. Данные критерии не абсолютны, ибо «все изменяется»; но все же объективны. Основываясь на них, мы можем безошибочно установить, что является, а что не является красотой в данном месте, времени и обстоятельствах. И главное в том, чтобы оценивать произведение искусства с позиции соответствия между его идеей и формой, так как чем более форма произведения искусства соответствует его идее, тем более оно совершенно. Если с этим согласиться, то всякий человек, высказывающий суждения об искусстве, обязан априори знать, какие формы наиболее годятся для выражения той или иной идеи. При этом Плеханов ничего не говорит о том, откуда мы могли бы

взять такое знание. Он просто настаивает, чтобы не только форма соответствовала идее, но и сама идея должна быть правдивой, если произведение искусства претендует на красоту.

Короче говоря, Плеханов выработывал — частично самостоятельно, частично под влиянием Чернышевского — основные принципы сталинско-ждановского реализма. Хотя это не означает, что его собственный художественный вкус соответствовал выработанным им принципам, и он считал эстетически совершенным то и только то, что выражало некую идею, в которую он сам верил. Его вкус ничем не отличался от типичных художественных вкусов образованных людей рубежа XIX—XX вв., включая отвращение ко всякому декадентству и модернизму. Несмотря на это, именно его теория заложила основы измерения эстетической ценности произведений искусства их политической полезностью.

По мнению Плеханова, лозунг «искусство для искусства» и вообще взгляд, согласно которому главная цель искусства — создавать художественные образы как самостоятельные ценности — тоже с необходимостью продуцирует определенным типом общественных отношений, когда художник чувствует себя изолированно от общества. Именно такой кризис переживает искусство. Импрессионизм и кубизм в живописи есть проявление буржуазного декадентства. Импрессионизм поверхностен и не проникает за внешнюю оболочку явлений. Кубизм вообще «чепуха в кубе», не говоря уже о литературе символистов. Вот типичный образец оценок Плеханова: «Положим, что художник хочет написать «женщину в синем». Если то, что он изобразит на своей картине, в самом деле будет похоже на такую женщину, то скажем, что ему удалось написать хорошую картину. Если же вместо женщины, одетой в синее платье, мы увидим на его полотне несколько стереометрических фигур, местами более или менее густо и более или менее грубо раскрашенных в синий цвет, то мы скажем, что он написал все что угодно, но только не хорошую картину»³.

Подобная наивность несколько не удивляет. Пожилые люди обычно не в состоянии ассимилировать новые художественные формы. Особенно если они отличаются от образцов, к которым они привыкли в молодости. Вкус «церковного старосты — рачительного и мрачного бюрократа» вылезает наружу всякий раз, когда Плеханов оценивает новые направления в искусстве как простое извращение. И главное в том, что он не считает такие ярлыки выражением своего собственного личного вкуса. А относится к ним как к неизбежному логическому следствию марксистской теории общества или новой «научной» эстетики!

Плехановские трактаты на тему взаимосвязей искусства и общественной жизни создали железные каноны сталинско-ждановской эстетики и не могут уже считаться простым недоразумением. Хотя сам Плеханов был убежден в необходимости творческой свободы художника и отлично знал, что всякое искусство, созданное по непосредственному политическому заказу, является бесплодным. Об этом свидетельствует его критика романа «Мать» Горького, изобразившего русскую действительность начала века и политическую борьбу рабочих не такой, какой она была на самом деле, а такой, какой должна быть, если учитывать политические притязания большевиков, включая Ленина. Идеалом

подобного искусства служит искусство, создаваемое под принуждением. И в этом Плеханов сыграл далеко не последнюю роль.

§ 4. Ревизионизм и ленинизм

1890-е гг. принесли в Россию оживление политической жизни. Интенсивное развитие капитализма и связанная с ним индустриализация страны усилили размежевание классов и слоев русского общества. Свою лепту внес и голод в деревне. Марксизм и социал-демократическая идеология вышли на сцену публичных дискуссий. В том была немалая заслуга Плеханова. Но в различных городах начали возникать новые социал-демократические группы, а вместе с ними и новые политические лидеры и теоретики. Они отдавали должное Плеханову как учителю в сфере теории, однако не собирались слепо повиноваться его советам в области политики. Сам отец русского марксизма никаких возражений не терпел и хотел абсолютного послушания, считая себя главным авторитетом в теории и политике. На этом фоне происходили разнообразные склоки и стычки, в том числе и разочарование Ленина после встречи со своим учителем.

В конце 1890-х гг. Плеханов потратил немало усилий на борьбу с ревизионизмом Бернштейна и неокантианцев. Вместе с Р. Люксембург он поделил пальму первенства во фронтальной и беспощадной атаке на Бернштейна. Никто из членов Германской социал-демократии не мог сравняться в критике ревизионизма с двумя эмигрантами из Восточной Европы, которые до конца жизни остались наиболее непримиримыми врагами Бернштейна. Но если Р. Люксембург критиковала его за отступление от марксизма в политической сфере, то Плеханов специализировался по философским основам ревизионизма. В отличие от многих критиков он считал данный пункт спора необычайно важным.

Попытка привить буржуазное сознание в рядах социал-демократии — вот что такое кантианство, утверждал Плеханов. Оно учит рабочих нехорошим вещам, из которых особое значение имеют две идеи: 1. Человеческое знание не может познать действительность «саму по себе» и потому остается место для религиозной веры. А она всегда была средством духовного закабления трудящихся эксплуататорами. 2. В соответствии с теорией бесконечного прогресса кантианцы считают социализм идеалом, к которому можно постепенно приближаться, но достичь нельзя. Тем самым они создают философские основания для реформизма и оппортунизма, отрицают социализм как реально достижимую цель, а революцию как средство.

Не менее того Плеханов громил все выводы анализа Бернштейном реальных изменений капиталистического общества, которыми тот обосновывал свой отход от революционного марксизма. Если даже доля буржуазии в общей массе населения возрастает, а улучшение положения рабочего класса действительно имеет место, то марксистская теория обострения классовых антагонизмов от этого ничуть не страдает. Реальная заработная плата может возрастать, а социальное неравенство усиливаться (относительное обнищание пролетариата). А если все же тред-юнионизм собирает свою жатву и среди рабочих, то не потому, что этому способствует классовое положение пролетариата, но по вине его оппортунистических руководителей.

В данном вопросе Плеханов рассуждал ничуть не хуже, чем Р. Люксембург и Ленин: если теория учит, что рабочий класс по природе вещей является революционным классом, а плоская и ползучая эмпирия этого вывода не подтверждает, то изменение социально-экономического положения рабочих ничуть не объясняет ситуацию. Злонамеренность ренегатов, занявших руководящие места в профсоюзах и партии, — таков главный принцип «теоретического» объяснения!

Следующим противником Плеханова, на которого он обрушил свой гнев, был русский «экономизм» — вариант бернштейновского ревизионизма, как его определил Георгий Валентинович. Некоторые сторонники экономизма не отказывались, по крайней мере на словах, от «конечной цели» социал-демократии. Однако в соответствии с классической народнической традицией стремились вести революционную деятельность среди трудящихся, ограничивая ее непосредственными экономическими требованиями. Они пренебрегали политической борьбой за конституционные свободы и распространение среди трудящихся социалистического мировоззрения. Экономисты недоверчиво относились к руководящей функции интеллигенции в рабочем движении и стремились создать такое движение, которое было бы рабочим не по названию или идеологии, а по фактическому классовому составу. Они доказывали, что именно в этом и состоит главное намерение Маркса, провозгласившего лозунг: освобождение рабочих есть дело самих рабочих.

Плеханов расправлялся с экономистами с помощью тех же самых шаблонов, с которыми раньше боролся с народничеством. Утверждал, что только социализм как главная цель движения придает смысл борьбе за реформы и улучшение экономического положения пролетариата. Борьба, не выходящая за рамки частных целей, не может преобразоваться во всероссийское движение пролетариата и потому не является социал-демократической. Признать противоположное — значит отречься от марксизма. А марксизм (применительно к русским условиям) состоит в борьбе за демократические свободы, которые создадут новые формы для борьбы за социализм как конечную цель и подчинят экономические требования трудящихся политической цели. И если экономисты хвастаются, что только они представляют действительный рабочий класс России, то они сами виноваты в том, что его сознание не развивается в надлежащем социалистическом духе.

В борьбе с ревизионизмом и экономизмом Плеханов занимал позицию непримиримого ортодокса и в течение нескольких лет был политическим союзником Ленина. Споры между ними, связанные с организацией «Искры», в значительной степени были обусловлены претензией Плеханова на единовластное руководство. С другой стороны, он считал, что отношение Ленина к экономистам и легальным марксистам недостаточно принципиальное и соглашательское.

В споре о программе РСДРП между двумя лидерами не было существенных различий, поскольку Ленин не отрицал проект Плеханова по существу, а стремился просто его уточнить и конкретизировать. На II съезде РСДРП, расколовшем партию на большевиков и меньшевиков, Плеханов занимал одну позицию с Лениным как по вопросу о централизованных формах организации партии, так и по вопросу о первом параграфе устава партии. На этом же съезде Плеханов подчеркнул, что

дело революции для революционеров — высший закон и если революция потребует отказаться от каких-либо демократических принципов (например, от всеобщих выборов), то было бы преступлением колебаться в выборе.

Итак, некоторое время Плеханов был большевиком. Однако сразу после II съезда РСДРП заключил союз с Аксельродом, Мартовым и другими меньшевиками, которых сам же критиковал. Сменив политическую ориентацию на 180°, он обрушился на большевизм и ленинскую концепцию партии. Обвинял большевиков в ультрацентрализме, стремлении к абсолютной власти партийного руководства и замене диктатуры пролетариата диктатурой над пролетариатом. Писал и говорил, что ленинская концепция партии, которая должна быть совершенно независимой от спонтанного движения пролетариата, направлена на то, чтобы заменить рабочий класс партией профессиональных революционеров-интеллигентов как единственным источником политической инициативы. А это противоречит марксистской теории классовой борьбы. Не менее того противоречит марксизму и историческому опыту тезис Ленина: рабочий класс сам по себе не в состоянии выработать социалистическое сознание. Данный лозунг обнаруживает недоверие Ленина к рабочему классу и является просто идеалистическим, так как предполагает, что классовое сознание пролетариата обусловлено не реальными условиями его жизни (ведь «бытие определяет сознание!»), а деятельностью интеллигенции.

Антибольшевизм Плеханова, обоснованный классическими марксистскими схемами, становился все более резким и непримиримым. При этом учитель вдохновлялся скорее опытом своей революционной молодости, но не реальным политическим анализом. В начале марксистской карьеры он обвинял народников в преклонении перед стихийным движением и отрицанием политического действия. Потом использовал указанный шаблон для критики неокантианцев, ревизионистов и экономистов. Теперь обвинял большевиков в тех же грехах, которые первоначально обнаружил в деятельности народников-террористов: бланкизме, яacobинстве и волюнтаризме; стремлении ускорить общественное развитие с помощью заговорщической деятельности; надежде на революцию, которая придет не в результате действия неуловимых законов общественного развития, а благодаря воле горстки заговорщиков.

Политическая стратегия Плеханова опиралась на нехитрую схему. Пролетариат должен сотрудничать с буржуазией в своей борьбе за демократические цели. Революция 1905 г. не поколебала данную схему, хотя ее автор отдавал себе отчет в ненадежности такого союза. Ленинский план предполагал революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства как следствие буржуазной революции. Плеханов не доверял крестьянству как политическому союзнику пролетариата. И руководствовался в своей политической деятельности иллюзией: пролетариат должен вести борьбу против буржуазии на уничтожение и в то же время заключать с ней союз против абсолютизма. Заметим, кстати, что политическая деятельность марксистов — до и после взятия власти — переполнена подобными политическими иллюзиями и парадоксами. Данная иллюзия вытекала из его догматического убеждения, сформировавшегося еще в период борьбы с народничеством, в том, что

социально-политическое развитие России будет проходить те же фазы, которые прошла Западная Европа. Колебания и догматизм Плеханова привели к тому, что его роль как руководителя социал-демократии значительно ослабла после революции 1905 г. Он по-прежнему стоял ближе к меньшевикам, чем к большевикам, хотя время от времени предпринимал неудачные попытки добиться единства партии.

По его мнению, и в сфере философии большевики отошли от марксизма. Попытки ввести в марксизм эмпириокритическую философию являются типично большевистскими. Это крыло в партии пренебрегает или вообще не считается с «объективными законами» общественного развития и надеется исключительно на революцию как результат организованной воли. Поэтому большевики в принципе не против субъективистской философии, полагающей сознание «активным организатором» всего мира. Данные мотивы, разумеется, существовали у большевистских философов-эмпириокритиков, но они были весьма далеки от действительных намерений Ленина. В борьбе с эмпириокритицизмом тот в последний раз встретился со своим учителем как с союзником.

После революции 1905 г. Плеханов в основном занимался сочинением трактатов на исторические, философские и эстетические темы. Начал реализовывать свой замысел создания многотомного труда «История русской общественной мысли», однако успел написать лишь три тома. В политике примыкал к центристскому крылу II Интернационала и разделил судьбу его большинства. Сразу после начала войны он сменил антивоенные лозунги, полные веры в пролетарский интернационализм, на лозунги защиты России и всей Антанты. Правда, смена политических лозунгов не была тождественна отказу от марксизма. Поскольку Германия и ее союзники являются агрессорами, постольку со стороны России мы имеем дело с оборонительной войной, а поддержка такой войны соответствует высказываниям Маркса и резолюциям II Интернационала. Более того, поражение Германии в войне отвечает интересам международного социализма и ускорит революционное движение как в Германии, так и в России. На основании подобных принципов вполне логично выглядит вся остальная патриотическая активность Плеханова: призывы к национальному единству и отбрасыванию классовой борьбы в военное время. В итоге отец русского марксизма оказался на крайне правом крыле русской и международной социал-демократии.

Наступил февраль 1917 г., и русское самодержавие рухнуло. В конце марта Плеханов вернулся в Россию. Встречали его с революционной помпой и энтузиазмом. Но вскоре выяснилось, что теоретик, проживший 37 лет на чужбине, не в состоянии понять новую ситуацию, которую он толковал в соответствии со старыми и порядком обветшавшими схемами: раз в России произошла буржуазная революция и смела царское самодержавие, то согласно естественному порядку вещей теперь должен наступить длительный период конституционного и парламентского правления, однако войну с Германией надо вести до победного конца. В результате позиция Плеханова оказалась наиболее близкой политике Временного правительства. Теоретик-марксист всерьез сражался с надеждами на социалистическую революцию, ибо социализм не может победить в экономически неразвитой стране, большинство населения которой составляет крестьянство. Отнесся к Октябрьской революции как к

позорной ошибке большевиков, которые неминуемо разрушат все завоевания революции Февральской. В мае 1918 г. отец русского марксизма умер, так и не согласившись с социально-историческим событием, подготовке которого он рьяно способствовал, но смысл которого так и не смог поместить в свои теоретические схемы.

Исторический и политический парадокс состоит в том, что борьба Плеханова против ревизионизма в значительной степени облегчила появление ленинизма, а борьба с ленинизмом привела его на позиции, близкие ревизионизму. Главной причиной крушения Плеханова как политического вождя можно считать непоколебимую веру в значимость для России западноевропейского пути развития. Действительно, он считал большевиков скорее последователями Бакунина, нежели Маркса. И он был в определенной степени прав, если рассматривать указанную проблему в контексте доктрины, которая в Западной Европе считалась ортодоксально-марксистской. Однако эта правота и даже верное предвидение конечного исхода революции, осуществленной на основании принципов и тактики Ленина и Троцкого, не отменяет того факта, что победа данной революции оказалась непонятной с точки зрения социальной философии Плеханова.

Присмотримся к ней подробнее.

§ 5. Философия удара

В отличие от большинства западноевропейских марксистов Плеханов не считал, что марксизм как теория социального развития логически не связан с какой-либо определенной позицией в сфере эпистемологии, метафизики и мировоззрения. Наоборот, он постоянно подчеркивал, что марксизм есть целостная и завершенная теория, охватывающая все основные философские вопросы. И потому нельзя отделять «диалектический материализм» (некоторые историки философии даже утверждают, что первенство во введении данного термина для обозначения всей марксистской философии принадлежит Плеханову) от «исторического материализма», который есть не что иное, как применение тех же самых принципов и правил мышления при изучении общественных явлений. Ленин, а вслед за ним и официальная государственная идеология заимствовали у Плеханова идею целостности и завершенности марксизма. Из нее вытекало, что политическая партия (социал-демократическая, большевистская или коммунистическая) не может оставаться безразличной по отношению к любым философским вопросам, потому что она располагает целостным мировоззрением. И с ним нельзя соглашаться частично, поскольку такая процедура означает деформацию мировоззрения в целом.

Однако это целое, или философия марксизма в понимании Плеханова, оказалось унылым и упрощенным повторением ряда формул Энгельса, без каких бы то ни было попыток самостоятельного анализа. Материализм означает принятие тезиса, который марксизм заимствовал у Фейербаха: бытие или материя имеет основание в самой себе, а всякая мысль есть продукт бытия. Но диалектический материализм, в отличие от Фейербаха, утверждает, что человеческий субъект не является лишь пассивным созерцателем содержания предметов, а познает мир в ходе

практического воздействия на него. Это не значит, что люди самостоятельно формируют предметы познания. А только то, что познание предметов самих по себе осуществляется главным образом в процессе труда, но не созерцания.

Материализм есть неопровержимая и подтвержденная наукой философская теория, а все его критики — типа Кроче, Шмидта или Бернштейна — только повторяют аргументы, уж давно опровергнутые Фейербахом. Тогда как диалектика есть теория развития мира во взаимосвязях, противоречиях и качественных скачках. И она тоже подтверждается в свете современной науки. Например, теория мутации дает пример «качественных скачков» в природе, хотя Плеханов не объясняет, каким образом биологические мутации подготавливаются накоплением «количественных изменений». Не менее весомыми примерами качественных скачков служат превращение воды в лед или в пар, появление бабочки из личинки, а также арифметическое действие сложения, при котором после числа 9 мы получаем «качественный скачок» в виде числа 10.

Аналогичными нелепицами переполнены философские труды Плеханова. Сюда же можно отнести его утверждение о том, что признание «диалектических противоречий» не согласуется с формальной логикой. Он просто повторяет аргументы элеватов в пользу тезиса: движение есть противоречие, поскольку движущийся предмет одновременно «находится» и «не находится» в данном месте. Подобно тому, как покой — частный случай диалектической логики и относится к действительности, которая рассматривается как неизменная. Не менее важными примерами «качественных скачков» можно назвать политические революции, а примером диалектических противоречий — классовую борьбу и т. п.

Все приведенные рассуждения и примеры со временем вошли в железный канон официальной государственной философии, обнаруживая никчемность философского образования и упрощенное мышление ее адептов. Впрочем, и отец русского марксизма от них ушел недалеко. В вопросах исторического материализма его выводы более дифференцированы и базируются на неплохом знании предмета. Но здесь Плеханова прежде всего интересует сохранение своей монистической веры во всеобъясняющую силу «производительных сил» как мотора исторического развития. И здесь, по примеру Энгельса, он спорит с утверждением, что марксизм объясняет все исторические процессы с помощью «одного фактора». По мнению Плеханова, все факторы являются лишь методологическими абстракциями, а в действительности мы имеем дело с единым историческим процессом, который «в конечном счете» зависит от технического прогресса. Выражение «в конечном счете», по Плеханову, означает, что в каждом обществе можно вычлени некие опосредующие уровни, благодаря которым производительные силы определяют различные свойства общественной жизни (экономические отношения, политический строй, общественную психологию, идеологию). Кроме того, во всяком обществе мы имеем дело также с взаимодействием. Надстройка не только определяется базисом, но и сама на него влияет. Базис образуется в результате потребностей, выражаемых производительными силами, но сами производительные силы изменяются под влиянием базиса и т. д.

Глубокомысленные и нравоучительные изречения Плеханова не помещаются в едином теоретическом блоке. Подобно другим марксистам он не в состоянии объяснить, как можно согласовать веру в производительные силы как главную причину исторического развития с идеей взаимодействия. Если высшие уровни общественной жизни могут инициировать изменения в низших уровнях, то неизвестно, в чем должен заключаться «исторический монизм», так как высшие уровни в конце концов зависят в целом от низших. А если высшие уровни ничего инициировать не могут, то выражение «взаимное воздействие» лишено смысла. Неизвестно также, почему особые «факторы» исторического процесса (типа политического строя, отношений собственности, идеологии) являются лишь «абстракциями», которые используются как чисто операциональные средства мышления, и одновременно те же самые абстракции образуют особые «уровни» общественной жизни таким образом, что их отличие от других полагается совершенно реальным? Из данного затруднения Плеханов выходит посредством бесконечных деклараций о том, что изменения производительных сил (которые по какому-то непонятным причинам не заслуживают имени «фактора») оказываются решающими.

Кроме того, в «Основных вопросах марксизма» Плеханов пишет, что производительные силы определяются географическими условиями. Остается неясным, почему не признать за географическими условиями ранг окончательно объясняющего мотора истории — вопреки всем остальным принципам? Ситуация, видимо, объясняется тем, что Плеханов, как и многие другие марксисты, стремился сохранить веру в единственный принцип, объясняющий исторические процессы, и в то же время не попасть в противоречие со здравым рассудком, который обычно объясняет исторические события влиянием самых разнообразных условий и обстоятельств.

На этой основе возникает совокупность оговорок, на первый взгляд смягчающих крайности монистического объяснения. А по сути дела они перечеркивают данный монизм, поскольку неясное выражение «в конечном счете» теряет смысл при одновременном признании «взаимовлияния». В итоге остается типичное утверждение здравого рассудка: значимые исторические события происходят в результате действия различных сил, количественное выражение которых учету не поддается. Среди них находятся уровень технического развития, классовая структура и политический строй общества. Но такое утверждение не содержит ничего специфически марксистского и потому не может быть высказано верующим марксистом в данной форме.

Вслед за Каутским Плеханов был убежден, что социальные процессы можно изучать по аналогии с «природными» явлениями. Социальное знание может быть абсолютно объективным, поскольку существуют универсальные законы изменений (качественные скачки, противоречия, эволюция), которые могут быть отнесены как к человеческой истории, так и к геологическим эпохам. Как известно, Штаммлер критиковал марксистов за то, что они целиком пренебрегают телеологичным характером поведения людей. Призывая их к сотрудничеству с мнимо неизбежным прогрессом, марксисты не понимают, что их призывы напоминают призывы поддерживать солнечное затмение, которое наступит независимо от человеческих усилий.

Подобная критика, по Плеханову, лишена оснований, ибо марксисты признают целесообразный характер деятельности людей, включая чувства, желания и страсти. Однако данные чувства и стремления с необходимостью обуславливаются производительными силами и производственными отношениями. Отсюда можно заключить, что Плеханов совершенно не понимал своего оппонента. Одно дело — исследовать минувшую историю, в которой человеческие чувства, цели и страсти выступают как психологические и социальные факты, взаимодействующие в течении событий. И совсем другое — обсуждать проблему собственного участия в процессах, будущие результаты которых считаются предрешенными действием неизбежных исторических сил. Когда индивид размышляет над тем, как ему найти собственное целесообразное действие или по какой причине он должен участвовать в том или ином социальном движении, то констатация типа «Ваши цели, какими бы они ни были, с железной необходимостью определяются производительными силами» не имеет ни малейшего значения при уточнении индивидуального выбора варианта деятельности. В лучшем случае подобное соображение обосновывает обыденный и идеологический консерватизм. Однако Плеханов этого не замечал. По его мнению, если человек принимает участие в движении, которое считает исторически закономерным и неизбежно победоносным, то он рассматривает свою деятельность как необходимое звено необходимого процесса. Такое объяснение не только ничего не объясняет, но и пытается идеологически оправдать консерватизм как разновидность человеческой зоологии.

Главный ее мотив — уцелеть при любом изменении политической и социальной конъюнктуры. Вера в победу того или иного движения не может считаться ведущим мотивом участия в нем, потому что таким мотивом обычно руководствуются люди, которые хотят гарантировать себе место на стороне победителя — индивида, группы или класса, целиком отбрасывая в сторону все другие обстоятельства и соображения. В данном мотиве поведения соединяются воедино человеческая зоология и политический радикализм. Этот мотив можно назвать дальновидным карьеризмом. Его отслеживание в человеческом поведении вовсе не отвечает на вопрос: «Какие моральные соображения обосновывают участие в движении, победа которого предопределена историческими законами?» Если данные соображения действительно относятся к сфере морали, то они не могут вытекать из исторических законов, а происходят из других оснований, что было хорошо известно уже Канту. В этом и состоял главный смысл неокантианской критики марксизма, которую Плеханов просто не понимал. Себя самого он, вне всякого сомнения, рассматривал как «необходимое звено» в процессе социалистических преобразований, из чего можно заключить, что они бы без него не обошлись. Не исключено, что здесь он был прав. Но эта истина противоречит общим принципам, изложенным Плехановым в работах о роли личности в истории. Ни в одной из своих работ он не объясняет, почему он сам (а не кто-либо другой) должен непременно сыграть роль «необходимого звена».

В сумме характерные особенности теоретического наследия Плеханова можно свести к следующим: абсолютное убеждение в существовании исторической необходимости; отсутствие существенного различия

между исследованием природы и общества; убеждение, что исторический материализм есть «применение» принципов диалектического материализма и одновременное различение обеих сфер знания как частей одного неразрывного целого; убеждение в целостности марксизма как мировоззрения социал-демократии, которая обязана исповедовать определенную философскую доктрину; акцент на значимость философской традиции в генезисе марксизма.

Таким образом, Плеханов жестко связал историческую необходимость с существованием конкретной партии, обладающей одним мировоззрением. Исходя из данного центрального убеждения, невозможно ни избежать, ни предотвратить произвол в целой системе взглядов. По крайней мере, остается неизвестным, какова сфера действия «исторической необходимости»: охватывает ли она все подробности исторических событий или только самую главную тенденцию развития? Если стать на первую точку зрения, то так понятый детерминизм ведет к абсолютному произволу в изучении истории, поскольку каждый отдельный факт или исторический процесс рассматривается как неизбежный в одном и том же смысле, будучи предопределенным одними и теми же условиями. Тогда не имеет смысла плехановская критика Октябрьской революции, так как по определению данная революция вспыхнула с той же самой неизбежностью, с которой товарное хозяйство преобразовалось в капитализм.

Сознательная человеческая воля, выраженная в существовании партии и особого мировоззрения, при таком подходе может рассматриваться как обязательная составная часть исторического процесса, но ее содержание и влияние предопределено не менее, чем всех остальных частей. Тогда ни партия, ни марксизм по своим функциям ничуть не отличаются от всех остальных «факторов» исторических изменений. Критика революции, которая не считается с «зрелостью» экономических условий, тоже не имеет смысла, ибо успех революции демонстрирует указанную «зрелость».

Если признать, что историческая необходимость предопределяет только общую тенденцию развития, а ее конкретные формы зависят от человеческой воли, не обусловленной до конца обстоятельствами, то плехановская критика опять-таки не имеет смысла, но уже по другим основаниям. Если мы не в состоянии точно установить, в чем состоит «зрелость» предпосылок социалистической революции, а сознательная политическая активность может ускорять эту зрелость, то никто не в состоянии сказать, в какой момент данное ускорение будет успешным, а в какой нет. Поэтому плехановская критика бланкизма и ленинизма не может считаться достаточно обоснованной его историческим детерминизмом, хотя он ведет критику именно с этой позиции.

Более того, если считать, что научное сознание (марксизм) возникает независимо от социального движения, которое ведет к социализму, и должно вноситься в указанное движение извне, то нет ничего сверхъестественного в тех следствиях, которые вывел Ленин из приведенной посылки. Действительное, научное и пролетарское сознание может развиваться независимо от эмпирического пролетариата, а политический организм (партия), который обладает таким сознанием, вправе считать себя представителем «исторической воли». Ленинская концепция партии-

авангарда была обоснована доктриной, разработанной Каутским и переписанной Плехановым. И следовательно, нет оснований упрекать Ленина в непоследовательности.

Плеханов может считаться также создателем такого стиля философского и политического письма, который унаследовал образцы полемики религиозных сект и культивировал их в деятельности партии. Этот стиль подхватил у Плеханова Ленин, усовершенствовал Сталин, а сегодня он проявляется в полемике журналов типа «Нашего современника», «Молодой гвардии» и связанных с ними политических движений. С момента обращения в марксистскую веру Плеханов уже не сомневался, что она окончательно решила все проблемы философии и теории социального развития. Поэтому ни в одной из своих работ он не занимает позицию человека, который обсуждает ту или иную теоретическую проблему, а стоит на позиции последователя, который защищает принятую им доктрину. В результате его аргументация может быть какой угодно. Главная цель при такой позиции — «нанести удар» или «дать отпор» противнику, а не изучать теоретический вопрос.

Так же постоянно Плеханов высмеивал противников за то, что они ссылаются на какие-либо научные авторитеты: ведь марксизм не признает никаких авторитетов! Однако сам почти на каждой странице своих трудов ссылается на авторитеты, которые позволяли ему подпереть тот или иной тезис. Постоянно оперировал примерами из таких областей знания, в которых сам ничего не понимал, умножая тем самым фактические ошибки. Приводил бесконечное число примеров, которые должны подтвердить некие «законы диалектики» или принципы материализма. И не осознавал дистанции между совокупностью примеров, преимущественно тривиальных («вода преобразуется в пар», «в биологии есть мутация» и т. п.), и общим принципом, который они должны иллюстрировать (например: «все процессы в мире осуществляются посредством накопления количественных изменений, которые ведут к скачкам»).

Плеханов не понимал, как нетрудно найти примеры, подтверждающие зависимость определенных нравов и обычаев от технического уровня общества или некоторых свойств идеологии от социальной борьбы, не менее легко найти примеры, подтверждающие противоположную зависимость: технического развития от политического строя, политического строя от идеологических традиций и т. п. В любом случае подобные примеры не подтверждают никакой общей историко-философской теории, если, разумеется, не сводить ее к беспредметным и туманным фразам типа: «С одной стороны, такие-то и такие-то обстоятельства влияют на другие, но, с другой стороны, существует и обратное влияние».

Как и следовало ожидать, Советская Россия отвергла Плеханово-политика, но — по рекомендации Ленина — признала его заслуги как «теоретика марксизма». Полное собрание сочинений Плеханова было издано вскоре после революции, однако затем издавали только философские, а не политические произведения. Если учесть споры с Лениным и большевизмом, то Плеханов, конечно, не имел шансов дослужиться до формального ранга «классика марксизма» в официальной государственной идеологии. Но остался одним из ее главных авторитетов. Получив название «марксизма-ленинизма», благодаря поддержке партии, государства и полиции, эта идеология сумела успешно уничтожить марксистскую мысль.

- ¹⁶ Ibid. S. 1628.
¹⁷ Bloch E. Tübinger Einleitung... B. 1. S. 196.
¹⁸ Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. S. 678—679.
¹⁹ Ibid. S. 76.
²⁰ Ibid. S. 195.
²¹ Ibid. S. 201.
²² Ibid. S. 225.

Глава 6

- ¹ Lukacs Y. Taktik und Ethik //Archiv für Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewegung. 1919. № 32. S. 25.
² Ibid. S. 27.
³ Ibid. S. 30.
⁴ Lukacs Y. Zur Ontologie des gesellschaftlichen Seins. Dartmstadt und Neuwied, 1976. S. 39.
⁵ Lukacs Y. Taktik und Ethik. S. 36.
⁶ Lukacs Y. The Meaning of Contemporary Realism. L., 1968. P. 93.
⁷ Lukacs Y. Es geht um den Realismus. Berlin, 1954. S. 102.
⁸ Lukacs Y. Mein Weg zu Marx. Berlin, 1965. S. 652—653.
⁹ Ibid. S. 634.
¹⁰ Lukacs Y. The Meaning... P. 112.
¹¹ Cambridge Review. 28. II. 1972. S. 4.

Глава 7

- ¹ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. М., 1957. С. 31—32.
² Там же. С. 485.
³ Там же. С. 119.
⁴ Там же. С. 155.
⁵ Там же. С. 151.
⁶ Грамши А. Избранные произведения: В 3 т. Т. 2. М., 1957. С. 445.
⁷ Там же. С. 122.
⁸ Там же. Т. 1. С. 132—133.
⁹ Там же. С. 127.

- ¹⁰ Там же. С. 197.
¹¹ Там же. С. 644—645.

Глава 8

- ¹ Goldmann L. Le Dieu cache. Paris, 1955. P. 7.
² Goldmann L. Marxisme et sciences humaines. Paris, 1970. P. 65—66.

Глава 9

- ¹ Korsch K. Marxismus und Philosophie. Berlin, 1930. S. 132.
² Ibid. P. 116.
³ Ibid. P. 177.
⁴ Ibid. P. 153.

Глава 12

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 537.
² Там же. Т. 10. С. 123.
³ Там же. Т. 23. С. 539.
⁴ Там же. Т. 21. С. 275.
⁵ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 386—387.
⁶ Там же. Т. 23. С. 90.
⁷ Там же. Т. 8. С. 122.
⁸ Там же. Т. 19. С. 19.
⁹ Там же. Т. 23. С. 773.

Глава 14

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 528—529.
² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 305.

Глава 15

- ¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. М., 1958. Т. 5. С. 310—311.
² Там же. С. 710.
³ Там же. С. 745—746.

Глава 16

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 166—167.
² Там же. С. 186—187.
³ Там же. С. 301—302.
⁴ Там же. С. 309.

- ⁵ Там же. С. 395.
⁶ Там же. С. 440—441.
⁷ Там же. С. 438.
⁸ Там же. С. 419.
⁹ Там же. Т. 2. С. 452.
¹⁰ Там же. Т. 4. С. 228.
¹¹ Там же. Т. 46. С. 20.
¹² Там же. Т. 4. С. 345.

Глава 17

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 11. С. 54—55.
² Там же. Т. 6. С. 30.
³ Там же. С. 39—40.
⁴ Там же. С. 112.
⁵ Там же. Т. 7. С. 272.
⁶ Там же. Т. 6. С. 9.
⁷ Там же. С. 23.
⁸ Там же. Т. 8. С. 394.
⁹ Там же. С. 210.
¹⁰ Там же. Т. 10. С. 281.
¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1. С. 417.
¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 357.
¹³ Там же. Т. 7. С. 105.
¹⁴ Там же. С. 235.
¹⁵ Там же. С. 238.
¹⁶ Там же. С. 239.
¹⁷ Там же. Т. 35. С. 251.
¹⁸ Там же. Т. 38. С. 157.
¹⁹ Там же. Т. 24. С. 122.
²⁰ Там же. Т. 17. С. 190.
²¹ Там же. Т. 26. С. 110.
²² Там же. Т. 6. С. 331.
²³ Там же. С. 346.
²⁴ Там же. Т. 7. С. 165.
²⁵ Там же. Т. 10. С. 18.
²⁶ Там же. Т. 6. С. 229.
²⁷ Там же. С. 231.
²⁸ Там же. Т. 12. С. 265, 266.
²⁹ Там же. С. 266.
³⁰ Там же. С. 362.

Глава 18

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 187.
² Там же. Т. 17. С. 32.
³ Там же. Т. 25. С. 161.
⁴ Там же. Т. 21. С. 31.
⁵ Там же. Т. 25. С. 3.
⁶ Там же. Т. 27. С. 80.
⁷ Там же. Т. 30. С. 328.
⁸ Там же. Т. 34. С. 121.

- ⁹ Там же. Т. 31. С. 91—92.
¹⁰ Там же. Т. 34. С. 226, 227.
¹¹ Там же. С. 275.
¹² Там же. Т. 35. С. 278.
¹³ Там же. Т. 37. С. 38.
¹⁴ Там же. С. 97.
¹⁵ Там же. С. 131.
¹⁶ Там же. С. 511.
¹⁷ Там же. Т. 39. С. 89.
¹⁸ Там же. Т. 36. С. 487.
¹⁹ Там же. Т. 35. С. 227, 289—290.
²⁰ Там же. Т. 36. С. 80.
²¹ Там же. С. 382.
²² Там же. С. 529.
²³ Там же. Т. 35. С. 137.
²⁴ Там же. С. 164—165, 166.
²⁵ Там же. Т. 38. С. 306.
²⁶ Там же. Т. 44. С. 29, 30.
²⁷ Там же. Т. 30. С. 54—55.
²⁸ Там же. Т. 26. С. 121—122.
²⁹ Там же. С. 27.
³⁰ Там же. Т. 17. С. 195.
³¹ Там же. Т. 30. С. 265.
³² Там же. Т. 37. С. 298.
³³ Там же. Т. 26. С. 226.
³⁴ Там же. Т. 42. С. 61.
³⁵ Там же. Т. 36. С. 40.
³⁶ Там же. Т. 42. С. 76.

Глава 19

- ¹ Богданов А. А. Эмпириомонизм. М., 1904. Вып. 1. С. 25.
² Богданов А. А. Эмпириомонизм. М., 1906. Вып. 3. С. 45.
³ Там же. С. 135—136.
⁴ Там же. Вып. 1. С. 54.
⁵ Там же. С. 145.
⁶ Там же. Вып. 3. С. 148—149.
⁷ Там же. С. VIII.
⁸ Там же. С. 129.
⁹ Там же. С. 138.
¹⁰ Там же. С. 139.

Глава 20

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 142.
² Там же. С. 142—143.
³ Аксельрод Л. Философские очерки. М., 1906. С. 92.
⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 377.

- ⁵ Там же. С. 362.
⁶ Там же. С. 151.
⁷ Там же. С. 131.
⁸ Там же. С. 244—245.
⁹ Там же. С. 275.
¹⁰ Там же. С. 332.
¹¹ См.: Володин А. И. «Бой абсолютно неизбежен». М., 1982.
¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 162.
¹³ Валентинов Н. Встречи с Лениным. Нью-Йорк, 1953. С. 42.

Глава 21

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 288.
² Там же. С. 318.
³ Там же. С. 320.
⁴ Там же. Т. 32. С. 155.
⁵ Там же. Т. 27. С. 259.
⁶ Там же. Т. 39. С. 81.
⁷ Там же. Т. 36. С. 72.
⁸ Там же. Т. 43. С. 320.
⁹ Там же. Т. 34. С. 40.
¹⁰ Там же. Т. 39. С. 134.
¹¹ Там же. Т. 41. С. 24.
¹² Там же. С. 32.
¹³ Там же. Т. 40. С. 253, 254.
¹⁴ Там же. Т. 42. С. 253.
¹⁵ Там же. С. 204.
¹⁶ Там же. Т. 35. С. 280.
¹⁷ Там же. Т. 34. С. 210.
¹⁸ Там же. С. 212.
¹⁹ Там же. Т. 35. С. 54.
²⁰ Там же. Т. 38. С. 346—347.
²¹ Там же. Т. 44. С. 53—54.
²² Там же. Т. 45. С. 190.
²³ Там же.

- ²⁴ Там же. С. 89.
²⁵ Grotzky L. The Defence of Terrorism. L., 1921. P. 91.
²⁶ Ibid. P. 101.
²⁷ Ibid.
²⁸ Ibid. P. 102—103.
²⁹ Ibid. P. 124—125.
³⁰ Ibid. P. 129—130.
³¹ Ibid. P. 131—132.
³² Ibid. P. 157.
³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 124—125.
³⁴ Там же. С. 170.
³⁵ Там же. Т. 44. С. 151.
³⁶ Там же. С. 159.
³⁷ Там же. Т. 36. С. 272.
³⁸ Там же. Т. 48. С. 224.
³⁹ Там же. Т. 36. С. 301.
⁴⁰ Там же. Т. 37. С. 483.
⁴¹ Там же. Т. 39. С. 422.
⁴² Там же. Т. 44. С. 107.
⁴³ Там же. Т. 43. С. 228.
⁴⁴ Там же. Т. 36. С. 160.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Там же. Т. 45. С. 357.
⁴⁷ Там же. Т. 19. С. 314.
⁴⁸ Там же. Т. 35. С. 98—99.
⁴⁹ Там же. Т. 12. С. 100—101.
⁵⁰ Там же. Т. 41. С. 309.
⁵¹ Там же. С. 311.
⁵² Там же. С. 313.
⁵³ Там же. Т. 15. С. 296—297.
⁵⁴ Там же. С. 297.
⁵⁵ Там же. С. 300.
⁵⁶ Там же. Т. 32. С. 353.
⁵⁷ Там же. Т. 25. С. 45—46.
⁵⁸ Там же. С. 46.
⁵⁹ Там же. С. 48.
⁶⁰ Там же. С. 50.
⁶¹ Там же. Т. 45. С. 95—96.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

3

Глава 1.

ПУГАЛО РЕВИЗИОНИЗМА

10

§ 1. Генезис понятия

10

§ 2. Исторические законы и диалектика

12

§ 3. Революция и конечная цель

14

§ 4. Кто был прав, а кто неправ?

18

§ 5. Направления возврата

21

§ 6. Маркс против Ленина:

научная проблема или политическая конъюнктура?

25

Глава 2.

ПРИНЦИПЫ ПРОВЕРКИ

31

§ 1. Татарский социализм и его солдаты

32

§ 2. Политический волюнтаризм

36

§ 3. Орудие идеологической диктатуры

40

Глава 3.
КРЕСТЬЯНСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

- 46
- § 1. Вождь и философия
46
- § 2. Конфликт между империями
50
- § 3. Борьба фракций и красная книжка
54
- § 4. Сталинизм и маоизм
58
- § 5. Равенство
и централизация правильных идей
62
- § 6. Влияние на другие страны
и идеал сильного государства
64

Глава 4.
БЕШЕНЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР

- 66
- § 1. Главные ценности
66
- § 2. Рационализм против истории.
Утопия и миф
70
- § 3. Разделение классов
и прерывность культуры
75
- § 4. Моральная революция
и историческая необходимость
77
- § 5. Марксизм, анархизм и фашизм
81

Глава 5.
КАБИНЕТНЫЙ МАРКСИСТ-УТОПИСТ

- 85
- § 1. Главная идея
85
- § 2. Марксизм как «конкретная утопия»
89
- § 3. Смерть, будущий бог и материализм
93
- § 4. Естественное право и политическая ориентация
96
- § 5. Интеллектуальное бесплодие
99
470

Глава 6.
РАФИНИРОВАННЫЙ ДОГМАТИК

- 102
- § 1. Труды и дни
102
- § 2. Целое и часть, или как быть
ортодоксальным марксистом?
109
- § 3. Субъект и объект истории
113
- § 4. Овеществление и отчуждение
116
- § 5. Классовое сознание
и диктатура партии
121
- § 6. Разрушение разума
124
- § 7. Целостность, медиация и мимесис
127
- § 8. Критический и социалистический реализм
131
- § 9. Сталинист или критик сталинизма?
135
- § 10. Марксистская мифология
140

Глава 7.
ПРОЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОГО КОММУНИЗМА

- 143
- § 1. Биографические сведения
144
- § 2. Самодостаточность истории
149
- § 3. Предвидение и воля
151
- § 4. Критика материализма
155
- § 5. Органическая интеллигенция
и понятие гегемонии
158
- § 6. Грамши и Ленин
161

Глава 8.
БЕСПАРТИЙНЫЙ УЧЕНИК

164

§ 1. Генетический структурализм	164
§ 2. Трагическое мировоззрение	168
§ 3. Социализм как предмет пари	171
§ 4. Возможное сознание и значимые структуры	173
§ 5. Ханжество по-марксистски	176
Глава 9.	
УРЕЗАННЫЙ МАРКСИЗМ	
§ 1. Факты биографии	179
§ 2. Движение и идеология	181
§ 3. Фазы революционного сознания	185
§ 4. Скрытый антиинтеллектуализм	186
§ 5. Идеино-политическая традиция	189
Глава 10.	
СПОРЫ И ПОРАЖЕНИЯ	
§ 1. Закат либерализма	193
§ 2. Можно ли ликвидировать государство без уничтожения централизованного управления экономикой?	196
§ 3. Страны и люди	200
§ 4. Кого защищать и с кем заседать?	207
§ 5. Канун распада и национальный вопрос	209
§ 6. Живое прошлое	211
Глава 11.	
ГЛАВНЫЕ ИДЕИ	
	214

§ 1. Человеческая природа	214
§ 2. Как обрести сущность?	217
§ 3. Сходство и различие	222
§ 4. Один или два Маркса?	226
Глава 12.	
КОНЕЦ ПРЕДЫСТОРИИ И НОВАЯ НАУКА	
	230
§ 1. Две фазы завоевания человека	231
§ 2. Как измерить стоимость?	236
§ 3. Можно ли реформировать капитализм?	240
§ 4. Эксплуатация при социализме	243
§ 5. Теория прошлого	245
§ 6. Смысл будущего	251
Глава 13.	
ПУТЬ К СВОБОДЕ	
	256
§ 1. Кто был более прав?	257
§ 2. Подводная часть айсберга	265
§ 3. Сказавший «А» ...	272
Глава 14.	
ОБЪЕКТ ПРИВИВКИ	
	276
§ 1. Политическая традиция	276
§ 2. Размежевание и «третий путь»	279
§ 3. Определение «пути»	285
§ 4. Пропагандисты, романтики и террористы	287
§ 5. Экономисты и нерешенные вопросы	292

Глава 15.
ТВОРЕЦ ЖЕЛЕЗНОГО КАНОНА
295

- § 1. Рождение ортодоксии
295
- § 2. Диалектический катехизис
300
- § 3. Новая эстетика
303
- § 4. Ревизионизм и ленинизм
306
- § 5. Философия удара
310

Глава 16.
ОППОНЕНТЫ КЛАССИКА И РОЖДЕНИЕ ВОЖДЯ
316

- § 1. Марксисты легальные и нелегальные
316
- § 2. ...И тому подобные
322
- § 3. Семя политической ненависти
325
- § 4. Скрежет зубовой и камень за пазухой
331

Глава 17.
ИДЕИ И МАШИНА
336

- § 1. Был ли Ленин ревизионистом?
336
- § 2. Знание и господство
339
- § 3. Наша палка наиболее прямая!
344
- § 4. Развязанные руки
348
- § 5. Крестьяне и перманентная революция
355

Глава 18.
ОТ РЕВОЛЮЦИИ К РЕВОЛЮЦИИ
361

- § 1. Политическое крохоборство
362
- § 2. Война и погром пацифизма
366

- § 3. Февраль и Октябрь
371
- § 4. Как перевернуть весь мир?
378

Глава 19.
ДУХОВНАЯ СИТУАЦИЯ
383

- § 1. Вероотступники и доктринеры
383
- § 2. Философы и физики
387
- § 3. Можно ли разрушить все философские вопросы?
390
- § 4. Главный большевистский эмпириокритик
394
- § 5. ...И его идеи
396
- § 6. Истина и пролетарская наука
401
- § 7. Культура и бог
405

Глава 20.
ФИЛОСОФИЯ, ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ
407

- § 1. Источники вдохновения
408
- § 2. Главный трактат
410
- § 3. Не надо искать ничего!
415
- § 4. Еще один готовый ответ
418
- § 5. Политический Ватикан
422

Глава 21.
ЗАРЯ НОВОЙ ЭРЫ
424

- § 1. Проект социалистического государства
425
- § 2. Надежды и реальность
428
- § 3. Второй вождь
433

- § 4. Отступить, чтобы дальше прыгнуть
437
- § 5. Незаконченный спор
441
- § 6. Культ власти
443
- § 7. Идеолог тоталитаризма
447
- § 8. Образцы политической полемики
450
- § 9. Новый Лютер и его первая дивизия
454
- Эпилог
457
- Литература
465

Научное издание

Макаренко Виктор Павлович

МАРКСИЗМ: ИДЕЯ И ВЛАСТЬ

Редактор *Е. К. Кожухова*

Технический редактор *Н. П. Соловьева*

Корректоры *В. Т. Югобаян, Г. А. Бибикина*

Обложка *Н. Н. Демидова*

ИБ № 1911.

Изд. № 133/2461. Сдано в набор 28.04.92. Подписано к печати 23.07.92.
Формат 84x108/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура литературная. Фотонабор. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,9. Усл. кр.-отт. 30,0. Уч.-изд. л. 36,6.
Тираж 7000 экз. Заказ № 71.

Издательство Ростовского университета, 344700. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Малое арендное предприятие «Книга», 344081, Ростов-на-Дону, ул. Советская, 57.